

НОВАЯ ГАЗЕТА

ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ • ОБЩЕСТВО

Позеленеешь тут...

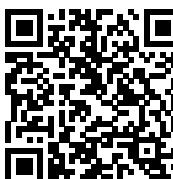
Правда ли, что в России появились «зеленые», то есть преимущественно мусульманские, зоны в дополнение к «красным» и «черным»? Отвечают эксперты

07:11, 8 октября 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Каковы причины недавних захватов заложников в СИЗО и колонии — мнения экспертов расходятся. Одни уверены, что это связано с влиянием радикальных исламистов, другие считают, что бунты — отчаянный протест против бесправного положения мусульман в тюремной системе.

Фото: Евгений Курков / ТАСС

24 сентября в ИК-6 Нижегородской области сотрудники ФСБ пресекли попытку теракта. Согласно информации ряда СМИ, в колонии была создана экстремистская группировка, трое членов которой с ножами и заточками собирались напасть на сотрудников. То есть «радикалы» из числа осужденных, как их называют в некоторых СМИ, были задержаны при попытке покушения на захват заложников. Никаких фамилий, номеров статей, по которым осуждены эти арестанты, не сообщается. Против них уже возбуждены уголовные дела, по «версии следствия, находясь на территории ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по

Нижегородской области, осужденные предприняли попытку вступления в религиозное экстремистское объединение, деятельность которого в 2010 году решением Верховного суда РФ признана экстремистской и запрещена на территории РФ, и активно принимали участие в нем, пропагандируя радикальные религиозные доктрины указанного объединения среди осужденных».

«Исламистские» бунты – новая реальность

Эта загадочная история удивительным образом напоминает две другие летние истории, которые произошли в СИЗО-1 города Ростова и в ИК-6 Волгоградской области в городе Суровикино. Существенное отличие: и в Ростове-на-Дону, и в Суровикино осужденные таки захватили в заложники сотрудников.

И представляли себя сторонниками запрещенной в России организации ИГИЛ**.

Так, 16 июня 2024 года шестеро заключенных взяли в заложники двух сотрудников УФСИН в Ростове-на-Дону, в результате штурма пятеро захватчиков были убиты, шестой ранен, но выжил, а фсиновцы не пострадали. После ЧП начальство ростовского СИЗО уволили, а позже возбудили уголовное дело о «халатности» против временно исполняющего обязанности начальника СИЗО-1, а также привлекли к дисциплинарной ответственности нескольких сотрудников ростовского изолятора.

Еще более кровавый захват заложников произошел в ИК-19 в Волгоградской области в городе Суровикино. На этот раз взбунтовались четверо заключенных, они так же, как и в Ростове-на-Дону, заявили о своей причастности к запрещенной в России организации ИГИЛ**. Всех их убил спецназ при штурме колонии. Трое сотрудников, взятых в заложники, погибли, четвертый скончался в больнице, начальник колонии

был ранен, но выжил. Захватчиками были убиты четверо заключенных, которые также оказались в заложниках.

В Суровикино «радикалы», вооруженные ножами, захватили сотрудников колонии прямо во время заседания дисциплинарной комиссии, куда их пригласили ничего не подозревавшие сотрудники. Осужденные снимали видео на фоне флагов запрещенной в России организации ИГИЛ**, тут же выкладывали видео в интернет, поэтому новость о том, что в колонии произошел исламистский бунт и его участники заявили о мести тюремщикам за притеснения мусульман (за то, что запрещают носить бороды, отбирают священные книги и молитвенные коврики), быстро распространилась в медиа. Захватчики так же, как и в Ростове, требовали деньги, вертолет и оружие.

Уже после штурма появилась информация о том, что четверо бунтовщиков оказались за решеткой из-за хранения и сбыта наркотиков, а также и за разбой. Среди них не было осужденных за террористические или экстремистские преступления.

Бунты и захват заложников мусульманами, заявляющими о своей принадлежности к радикальным исламистам, — новая для российских тюремных учреждений реальность.

Суровикино. Обстановка у ИК-19 в Волгоградской области. Фото: Дмитрий Рогулин / ТАСС

Почти секретная организация

В последние шесть–восемь лет российская пенитенциарная система все больше и больше закрывается от общества: постепенно уничтожен институт тюремных визитеров — комиссии ОНК (поначалу состоявшие из правозащитников, которые старались следить за соблюдением прав арестантов и осужденных), а после 2022 года в СИЗО и колониях появились отдельные корпуса для содержания украинских заключенных, и тогда российская тюремная система стала практически секретной организацией. Вот и истории летних бунтов из-за недостатка информации обрастают мифами.

Мнения экспертов о причинах этих бунтов и о том, почему они стали возможны, кардинально расходятся.

Одним из широко распространявшихся мифов стал миф о так называемой «зеленой зоне» — колонии, в которой якобы преобладают мусульмане, которые чтобы выжить,

объединяются в так называемые тюремные джамааты. И якобы внутри этих джамаатов зреет угроза радикального ислама, который провоцирует мусульман на тюремные бунты.

Впрочем, практически все эксперты, опрошенные «Новой», уверены, что за мусульманами, осужденными по террористическим и экстремистским статьям, ведется тщательное оперативное наблюдение. Все они ставятся на профилактический учет, кроме того, мобильные телефоны, которые они покупают у сотрудников в СИЗО и в колониях, обязательно прослушиваются, поэтому то, что подобные два ЧП стали возможны этим летом в Ростове-на-Дону и в Суровикино Волгоградской области, может объясняться исключительно нехваткой кадров или тем, что оперативные сотрудник ФСИН и курирующие СИЗО и колонии сотрудники ФСБ плотно заняты на другом «направлении».

Но это опять же догадки, настолько удивительным даже для экспертов представляется ситуация, что заключенные могут организовать такие самоубийственные захваты сотрудников. Другое дело — причины подобного поведения. Вот здесь мнения экспертов разделились: большинство считают, что волнения в тюремной системе этим летом, как и во все предыдущие годы, связаны с нарушениями прав арестантов, в данном случае речь идет о притеснениях мусульман, которые, по данным правозащитников, практически во всех российских колониях носят массовый характер.

Среди тех, с кем удалось поговорить, — бывшие заключенные, бывшие члены ОНК и правозащитники.

Задержание участника ячейки запрещенной в стране экстремистской организации исламистов «Таблиги Джамаат». Снимок с видео. ЦОС ФСБ РФ/ТАСС

Кадровый голод, низкие зарплаты, членовредительство

«СИЗО-1 в Ростове в силу географического положения — из-за близости к Украине уже два года практически находится на особом положении, оно закрыто для посещения членами Общественного совета ФСИН, пока его разрешают посещать членам ОНК, — рассказывает один из ростовских правозащитников, который в начале 2000-х годов бывал в этом СИЗО. — Я знаю, что там содержится много заключенных, чьи дела рассматриваются в Окружном военном суде Ростова, это, как правило, граждане Украины.

Вообще-то это достаточно ветхий следственный изолятор. Кроме того, там большие проблемы с персоналом: некомплект — 34%, 71 вакансия, зарплата сотрудников низшего звена — 20–30 тысяч рублей в месяц (день через два). Понятно, что без коррупции не обходится — низкие зарплаты. Когда я посещал

это СИЗО как член ОНК несколько лет назад, там можно было встретить арестантов в часах, хотя это запрещено ПВР (правила внутреннего распорядка). Мне приходилось разговаривать с заключенными арестантами, знаю, что члены так называемой «бахчисарайской восьмерки» (*восемь крымских татар, которых осудили за причастности к международной религиозно-политической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»***, запрещенной в России. — Ред.) жаловались в ЕСПЧ, что их сажают в карцер за то, что они призывали других верующих арестантов на молитву, это считалось «нарушением межкамерной связи».

«В колонии в Суровикино в марте-апреле этого года заключенные массово *** [занимались членовредительством], — говорит правозащитник Игорь Нагавкин (*сам он недавно осужден на два года колонии-поселения за «дезорганизацию работы СИЗО. — Ред.*). Из этой колонии поступали жалобы и в СК, и в прокуратуру на начальника отдела безопасности и начальника колонии Девятова (*оба они были взяты в заложники. — Ред.*). Все это было связано с нарушениями, у заключенных отбирали продукты питания, сигареты. Про мусульман тоже слышал, что коврики для молитвы у них отбирали. Я жаловался прокурору на нарушения прав осужденных в этой колонии».

Фото: Дмитрий Феоктистов / ТАСС

«Нужна более внятная политика в отношении мигрантов»

Другой волгоградский правозащитник — Владимир Козлович, председатель президиума Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Совет общественных наблюдательных комиссий», бывший председатель ОНК Волгоградской области, до того, как стал защищать заключенных, 20 лет проработал по другую сторону тюремной системы — в форме ФСИН. И понятно, что у него иное мнение, нежели у правозащитника Игоря Нагавкина.

«Люди, преступившие закон, на многое способны, — говорит он. — Я не хочу выделять Волгоград и говорить, что только у нас такое происходит: радикальный ислам распространяется на территории всей Российской Федерации. Я думаю, что на захватчиков повлияли представители радикального ислама».

Спрашиваю, почему оперативные службы за ними не уследили?

Отвечает: «У нас соответствующие службы недостаточно проводят профилактическую работу и не выявляют тех людей, которые способны уничтожать себе подобных. В этой колонии есть мечеть, у мусульман претензий не было, справляли себе религиозные нужды. Но другая проблема: некомплект сотрудников по всем службам в колонии до 50%, а когда и выше. В частности, из-за низкого материального обеспечения молодые перспективные кадры здесь надолго не задерживаются. Некомплект по всем службам: охраны, надзора и другим.

Годами служить, ежедневно рискуя жизнью в атмосфере постоянного дикого стресса за 30–40 тысяч рублей в месяц — мало кто на такой подвиг способен.

Более 25 лет я занимаюсь общественной работой. Сейчас общественный контроль не столь эффективен, как раньше. И еще нужна более качественная и внятная государственная политика в отношении мигрантов, в том числе, выходцев из Средней Азии, более нетерпимое отношение к феномену любых религиозных радикалов.

Сейчас в колонии продолжается официальная проверка ФСИН и СК, будет проведено расследование. Но я считаю, что этот информационный ажиотаж был ни к чему. Можно было локализовать этот инцидент силами колонии».

То, что в пенитенциарной системе кадровый голод, подтверждает и правозащитница, бывший член ОНК Москвы Ева Меркачева: «По официальным данным, во ФСИН не хватает 22% сотрудников, в некоторых местах доходит до 30%, некому

следить за камерами видеонаблюдения, например, в учреждении может быть 500 камер, а за ними следят всего два оператора!»

Владимир Козлович говорит, что в ИК-19 не так много мусульман, эту колонию нельзя назвать «зеленой зоной», как это сделали некоторые эксперты после захвата заложников 23 августа. Козлович про существование «зеленых зон» слышал, но, по его мнению, если они и существуют, то южнее Волгограда.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Зоны для мусульман

Что такое эти «зеленые зоны», о существовании которых некоторое время назад заговорили тюремные эксперты? «Зелеными зонами» называют те колонии, где среди осужденных преобладают мусульмане. Зеленый цвет имеет ряд

традиционных ассоциаций в исламе. Он используется и на флагах некоторых мусульманских государств. Поэтому во ФСИН прозвали такие зоны «зелеными», чтобы отличать их от «черных» (где преобладают воровские традиции) и «красных» (где все происходящее контролирует администрация).

В основном мусульман отправляют отбывать наказание на юг России, в Чечню, Кабардино-Балкарию, Калмыкию.

Но встречаются так называемые «зеленые зоны» и в Алтайском крае. Об этом «Новой» рассказал зампредседателя ОНК Алтайского края Руслан Демаков.

«У нас мусульмане отбывают наказание практически в каждой колонии. Например, в Рубцовске — 50% мусульман. Когда мы проводим инспекции, то замечаем, что в основном этот контингент заключенных содержится в ШИЗО. Побеседовав с ними, становится понятно, почему они там находятся, у большинства из них — террористические статьи или покушение на террористический акт. Понятно, что они целенаправленно идут на то, чтобы оказаться в ШИЗО: они вину не признают, режим не соблюдают, считают, что все это несправедливо, и смиряются с тем, что им через это суждено пройти. Но они не жалуются, когда мы спрашиваем, есть ли у них священные книги, приезжает ли к ним имам, ущемляются ли их права.

Так ли это, понять трудно, ведь после внесения изменений в федеральный закон «Об общественном контроле» работу правозащитника можно «помножить на ноль».

Теперь мы имеем право беседовать с осужденными только в присутствии сотрудника колонии, и таким образом эффективность общественного контроля оказывается под большим вопросом», — объясняет Руслан Демаков.

«Ни один человек, — а мне многие до сих звонят из колоний, — никогда не говорил мне ни про какую «зеленую зону». Ни что там отбывал, ни что там работал, ни что посещал в качестве правозащитника.

Фото: ITAR-TASS

Но обязательно все о таком от кого-нибудь «слышали». Какая-то это виртуальная сущность — так реагирует на мой вопрос о «зеленой зоне» правозащитница Анна Каретникова, бывший аналитик УФСИН по Москве.

— Мне присылали материалы по одной из колоний в Калмыкии, ИК-2. В ней отбывали наказание осужденные

мусульмане, в одном бараке годами жили, как все, общались, налаживали быт, молились в местной мечети; сотрудники, видимо, не безвозмездно, приносили им Кораны, телефоны — тоже как всем. Потом один из этих мусульман освободился, поехал в Кабардино-Балкарию, вышел на тропу войны и был убит при задержании. И тогда против многих осужденных, даже тех, которые освободились много лет назад и жили с семьей дома, возбудили дело, что они, оказывается, состояли в террористической организации «калмыкский джамаат». Завели массовое уголовное дело человек на сто. И начальник этой колонии тоже был привлечен к ответственности не за коррупцию, а как «участник террористического сообщества». Судя по всему, правоохранители попробовали на вкус вот такую форму борьбы с терроризмом, и все прошло гладко. Осужденные получили новые сроки, а силовики — поощрения.

«Террористическое сообщество «Джамаат»

«А недавно в перечне террористических организаций я наткнулась вот на такую: «Террористическое сообщество «Джамаат» (созданное в исправительном учреждении ФКУ ИК-7 УФСИН России по Республике Дагестан)», — рассказывает Анна Каратникова. — Видимо, развитие той же темы. Это ж еще надо умудриться-то туда вступить... И вообще непонятно, разве не нужно разгромить террористическое гнездо и вообще закрыть, на фиг, эту колонию? Джамаат — это община. Любой отряд, по сути, это джамаат, если в нем объединены мусульмане».

Я спросила у Анны Каратниковой, по какому праву у мусульман в СИЗО и колониях отнимают молельные коврики, она объяснила: по ПВР (правила внутреннего распорядка) можно при себе иметь коврики для молитвы, но они должны быть небольшого размера — «карманного ношения», большие коврики запрещены. Коран в камере или отряде можно иметь, но не на арабском языке. Правозащитница говорит, что есть определенная дискриминация по религиозному принципу, вот,

например, кто-то из осужденных примет крещение, это хорошо, батюшка придет, фотографии сделаем, на сайте УФСИН повесим. А вот если какой-то немусульманин изъявит желание принять ислам, то праздника не будет. Администрации поставят на вид, а обращенного поставят на профилактический учет. В этом и разница в подходах. Фактически мусульман заведомо подозревают в терроризме, но никакой общей политики в отношении к мусульманам, которые составляют существенную часть в тюремном населении, у системы нет».

Анна Каратникова. Фото: соцсети

Разноцветные зоны

Некоторые тюремные эксперты говорят о том, что-де в «зеленых зонах» мусульмане живут в так называемых джамаатах, в общинах и конкурируют с так называемыми положенцами (представителями криминального мира). Анна Каратникова считает, что эта тема еще недостаточно изучена, чтобы быть столь категоричными: сейчас в России почти нет не только «зеленых», но и чисто «черных» и чисто «красных» зон.

Как правило, зона долго «в одном цвете» не продерживается. Это работает как качели. Вот есть «черная зона», там есть все: наркотики, call-центры, вымогательство.

Но все это под неким контролем администрации, и в какой-то момент чаша терпения переполняется, начинается беспредел, он вырывается наружу, УФСИН или ГУФСИН вводят спецназ, из главка присылают новое руководство, и зона «перекрашивается» в красный. Там устанавливают «власть администрации», устраивают, по сути, «секции дисциплины и порядка», поощряют «активистов», зэков «ломают», бьют, насилуют швабрами, наконец, это тоже переполняет чашу терпения, какие-нибудь воры на сходе назначают и отправляют туда смотрящего, начальников-садистов меняют — и так до следующих потрясений. При этом бывает так, что положенцами становятся и мусульмане: ингуши, чеченцы, например, как это было во многих московских изоляторах, но ни один СИЗО от этого не стал «зеленым».

Альбина Мударисова, глава Оренбургского офиса «Команды против пыток», бывший член ОНК Оренбурга, сомневается, что у осужденных в колонии Волгоградской области была связь с запрещенной террористической организацией ИГИЛ.

«Бунты в тюрьмах происходят всегда, как ответ на прессинг со стороны сотрудников, — говорит она. — В 2014–2017 годах, когда я была членом ОНК Оренбурга, к нам направляли мусульман, осужденных за пособничество террористам. Их преступление состояло в том, что от них, угрожая их семье, требовали купить телефон, перечислить на определенный счет деньги, и так они становились «пособниками террористов». К ним у ФСИН особое отношение, нарушения их прав никого не волнует.

Те же, кто захватил заложников в Суровикино, не были осуждены за терроризм, скорее всего, они объединились, обозлившись на то, что никто не обращает внимания на их проблемы, их никто не слышит.

Суровикино. Обстановка у ИК-19 в Волгоградской области. Фото: Дмитрий Рогулин / ТАСС

Вот так обычно заключенные в знак протеста вскрываются, их вывозят в гражданские больницы, и там они надеются кому-то что-то рассказать. Но и это практически бесполезно. Поэтому люди идут на отчаянный протест, думаю, никто из захватчиков не рассчитывал выйти живым: может, это было желанием привлечь внимание к проблемам адского существования?» — объясняет эксперт «Команды против пыток».

Альбина Мударисова считает: из-за того что многие осужденные славяне ушли на СВО, в колониях визуально становится больше мусульман. Возможно, поэтому заговорили о существовании «зеленых зон».

«Мигранты реже уходят на СВО, им легче защищать свои права не по одиночке, они объединяются в джамааты, там либо зреет радикализм, либо нет», — уточняет Мударисова.

«За решеткой мусульман постоянно глушат»

Мне удалось поговорить с бывшим заключенным, который был осужден в 18 лет по террористической статье и отсидел двадцать один год. Тамерлан, назовем его так, сейчас уже на свободе, но попросил сохранить анонимность.

«Никаких «зеленых зон» нет, — рассказывает он. — За решеткой мусульман постоянно глушат, они сидят в ШИЗО, ЕПКТ (единое помещение камерного типа). Нет там исправительной системы, есть карательная система. Есть места, где не дают молиться. Коврики забирают, люди *** [идут на самоубийство].

Сотрудники не умеют работать с массой заключенных, они умеют только наказывать. Я в колонии заболел астмой, но не мог попасть в санчасть, потому что я чеченец. Меня посадили в 18 лет, я не совершил никаких преступлений, но в Чечне это не действует. Когда меня привезли в колонию, меня там мучали, бороду вырывали, из-за того, что я чеченец, говорили: «Вы наших убивали», — я возражал: «Я никому вреда не делал». Но никто меня не слушал».

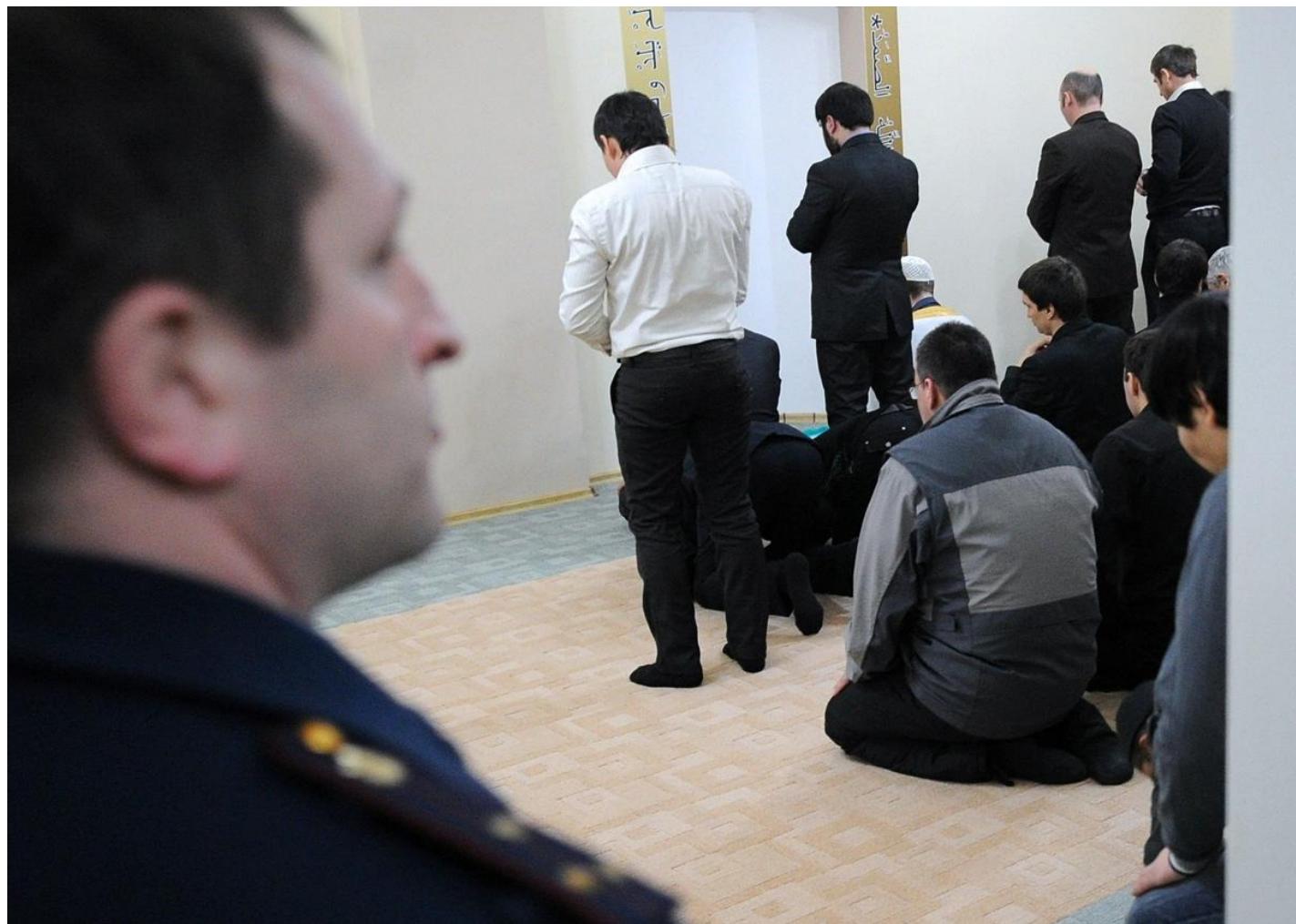
Как к мусульманам относятся блатные?

«Мусульмане не живут по их понятиям, они им не подчиняются», — продолжает Тамерлан. — «Зеленые зоны» придумали тюремщики, потому что им это удобно, — объясняет он. — Есть джамаат, «зеленая зона», там есть имам, но этот имам — человек, поставленный сотрудниками. Все, что

происходит в зоне, они знают. 99% того, что там происходит, находится под контролем эфэсбэшников. Они курирует лагерь, вызывают к себе на разговоры семь-восемь человек, например, из двадцати.

Коврики забирают, мулла приходит и говорит: «Я вам принес другие коврики». Но они тонкие, как газета. Те коврики, которые забирают, якобы они не установленного образца, они выдумывают внутренние правила и туда вписывают все, что они хотят.

Людей «раскручивают» по терроризму, своих людей секретными свидетелями проводят, ты не согласен, жалуешься, но тебя никто не слышит. Сотрудники «палки» делают. Они мне всякие имена придумывали, что я «экстремист», «террорист».

Открытие молельной комнаты для мусульман в СИЗО №2 «Бутырка». Фото: ИТАР-ТАСС / Валерий Шарифулин

Два раза я сидел на «крытой» (тюремный режим), в ЕКПТ много раз. Потому что я мусульманин и чеченец. Когда ИГИЛ запретили, они всех начали мучать. С 2014 года я поменял много лагерей: Пятигорск, Ростов, Волгоград, Челябинск, Свердловск, Тюмень, Удмуртия. Я не знаю, почему меня переводили, кому-то я не нравился, может, потому что жалобы писал: утром приходили: «Собирай вещи, ты едешь на этап».

Там, где я был, сотрудники нам говорили: «Нам легче «списать» мертвого человека, чем простыню списать».

Другой бывший заключенный, русский, сидел в разных зонах и в самых страшных «пыточных» в Омске, Красноярске и на юге России. Назовем его Андрей. Он так же, как и Тамерлан, знает о том, что, как правило, мусульман в колониях контролируют эфэсбэшники или оперативные сотрудники ФСИН, поэтому очень странно, что в СИЗО в Ростове-на-Дону и в колонии в

Суровикино стали возможны такие бунты.

«То, что к мусульманам плохо относятся в колониях, это факт, — говорит Андрей. — Но во всех колониях по-разному. Есть колонии, в которых нейтрально относятся: ну молятся себе и молятся, сотрудники колонии часто на стороне джамаатов, потому что осужденные мусульмане не употребляют наркотики, не пьют, не играют в карты, они для них исключают часть проблем. Но если осужденные имеют связи с радикальными ячейками, то эфэсбэшники будут к ним приезжать и следить за ними, все их телефонные разговоры прослушиваются».

Спрашиваю, согласен ли он с тем, что мусульманские «авторитеты заменили «воров в законе»?

«Нет, конечно, те, кто придерживается воровских традиций, никогда их не будут воспринимать, — отвечает Андрей. — Они становятся авторитетами для таких, как они, а не для общей массы, они живут обособленно, так и будут жить. А когда мусульман в колонии становится слишком много, они начинают бороться за власть между собой».

По факту захвата заложников в СИЗО Ростова-на-Дону и колонии в Суровикино продолжается расследование. Но пока нет никакой информации. Есть риск, что мы так и не узнаем, почему взбунтовались осужденные, была ли у них связь с радикальными исламистами, или эти бунты были вызваны массовыми нарушениями прав мусульман, теми жалобами, которые никто из официальных лиц не проверяет, а нынешние правозащитники стараются их не слышать, потому что солидарны с официальной линией, что мусульмане, скорее всего, террористы и экстремисты.

* Организация, признанная «иностранным агентом».

** Организации, признанные Верховным судом РФ террористическими и запрещенные на

территории России.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[**«Внутри него взорвался кипятильник»**](#)

Портрет ФСИН: пытки как менеджмент, расходы и доходы, экономика унижений, кресло за миллион и двое трусов на год

10:04, 9 июля 2024, Татьяна Брицкая, Светлана Виданова